

Хмыров Михаил Дмитриевич

Марина Мнишек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Дмитриевич Х.**
Марина Мнишек / Хмыров Михаил Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
64 с.

ISBN 978-5-521-29213-4

ISBN 978-5-521-29213-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Годунова II — и дерзко сѣвъ на тронѣ русскихъ царей, нетерпѣливо ждалъ прибытія изъ Польши нареченной невѣсты своей, къ чему «нача уготавлилися со всякими поспѣхами, которые бы нѣчто являли, яко бы онѣ выигралъ Россію» (¹). Эта невѣста, ясневельможная панна Марина съ Великихъ Кончиць Мнишковна, прелестная и знатная полька, сѣумѣвшая предпочесть множеству красивыхъ магнатовъ, искателей ея руки—ничтожнаго и невзрачнаго искателя русскаго престола, — невѣста, уже осыпанная дарами страстно влюбленнаго въ нее жениха и давно снѣдаемая жаждою честолюбія, была теперь у своей цѣли, стояла въ великолѣпныхъ шатрахъ надъ Москвою-рѣкою, казавшихся издали красивымъ замкомъ, — и жадно впивалась глазами въ стольную Москву, разстилавшуюся какъ на ладони у ногъ своей будущей повелительницы. Ее-то, счастливую Марину, готовился торжественно встрѣтить царь московскій, и вотъ почему устанавливались шпалерою конные и пѣшіе стрѣльцы, вотъ почему толпился за ними любопытный народъ. Наконецъ каждый занялъ указанное ему мѣсто, толпа, виднѣвшаяся на можайской дорогѣ, заколыхалась, и загудѣли всѣ московскіе колокола, грянули пушеч-

(¹) См. Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталии. Изд. въ 1799 г. Львовымъ. Ч. III, стр. 180.

ные выстрѣлы, загрохотали стрѣлцкіе барабаны; царская обрученница двинулась отъ станovýchъ щатровъ къ Москвѣ.

Шествіе открывалось тремя стами гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны. За гайдуками ѣхало до 1000 человекъ думныхъ людей, бояръ и дворянъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. За ними слѣдовалъ польскій конвой царя московскаго, игравшій на трубахъ и литаврахъ, далѣе — гусарскій конвой воеводы сендомирскаго, отца царской невѣсты; наконецъ родственники невѣсты, всѣ на турецкихъ коняхъ, сбруя которыхъ блистала серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Потомъ 12 великолѣпно одѣтыхъ конюховъ вели подъ уздцы 12 верховыхъ коней, только что подаренныхъ невѣстѣ женихомъ и украшенныхъ въ богатые чепраки и сѣдла съ золотыми удилами и серебряными стремянами, покрытыя дорогими пононами изъ барсовыхъ и рысскихъ мѣховъ. Посредственно за тѣмъ 12 сѣрыхъ въ яблокахъ жеребцовъ везли другой подарокъ жениха невѣстѣ—огромную карету съ серебряными орлами царскаго герба, снаружи вызолоченную, а внутри обитую краснымъ бархатомъ и парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Въ этой каретѣ, на особомъ стулѣ, устроенномъ въ видѣ трона, сидѣла сама Марша, имѣя передъ собою одну изъ своихъ дамъ, старостину

Сохачевскую. Подлѣ кареты ѣхалъ на превосходномъ аргамакѣ, отецъ Марины, воевода сендомирскій, одѣтый въ багряно-парчевой кафтанъ на соболемъ мѣху, и блиставшій шпорами и стременами изъ литаго золота съ бирюзовыми накладками; тутъ же шли по обѣимъ сторонамъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и алыхъ суконныхъ плащахъ 6 лакеевъ невѣсты, а нѣсколько поодаль— двѣ сотни царскихъ нѣмцевъ-алебардовщиковъ въ фіолетовыхъ кафтанахъ, различавшихся между собою красными или зелеными бархатными выпушками и камковыми рукавами тѣхъ же цвѣтовъ. Карету конвоировала сзади сотня царскихъ копьеносцевъ, одѣтыхъ въ бархатные камтановые плащи съ золотымъ позументомъ и вооруженныхъ бердышами съ золотымъ царскимъ гербомъ, древки которыхъ были обтянуты краснымъ бархатомъ, устьяны серебряными гвоздиками, увиты серебряною проволокою, и украшены золотыми кистями. Въ тылу копьеносцевъ, 8 бѣлыхъ лошадей, окрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла красною краскою, везли путевую карету Марины, обитую снаружи зеленою, а внутри красною парчею, съ четырьмя стульями въ богатой золотой оправѣ; сѣруя на лошадяхъ была красная бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками, а на козлахъ сидѣлъ возница въ зеленой шелковой фрезе. За путевымъ экипа-

жемъ Марины, теперь пустымъ, слѣдовала третья карета, запряженная 8-ю бѣлыми лошадьми и занятая гофмейстериною Марины, съ тремя другими дамами; потомъ ѣхало еще 13 парадныхъ каретъ и нѣсколько открытыхъ линеекъ, украшенныхъ затѣйливою рѣзьбою и обитыхъ то краснымъ, то чернымъ бархатомъ съ золотыми позументами. Въ тѣхъ и другихъ экипажахъ была размѣщена остальная свита невѣсты, и всѣ они, щеголяя роскошною упряжью въ шорахъ, управлялись возницами то въ алыхъ атласныхъ ферезяхъ, то въ черныхъ камчатныхъ жупанахъ. Поѣздъ заключался путевымъ конвоемъ Марины, — отрядомъ всадниковъ въ панцыряхъ и полномъ вооруженіи, съ хоромъ музыкантовъ на трубахъ и флейтахъ ⁽²⁾. Достигнувъ городской черты, шествіе приостановилось: здѣсь, у вѣзда въ Москву, посадскіе люди, повинувъсь предварительно изъясненной царской волѣ, поднесли гостѣй привѣтственную хлѣбъ-соль, послѣ чего царская невѣста, съ тою же торжественностію продолжала слѣдовать къ Китай-городу. «А какъ панъ Юрій съ своею дочерью, съ панною Маринкою, вѣхали въ Китай-городъ въ никольскіе ворота, и Ростриѣ Гришкѣ бысть радости велія; велѣлъ въ тѣ поры

(2) См. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. Устряловымъ въ 1831 г. ч. I. стр. 66; 71. ч. II. стр. 44 и д. ч. IV, с. 28, 29, 124—126.

по накрамъ и по литаврамъ бити, и въ трубы трубити въ разныя, и въ сурны играти во многія. И ѣхалъ Сендомирской съ панною Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры, для прелести, игра была многая немѣрная до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ, а на Фроловскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки, поставлены были подъ накры и подъ сурначе многія трубы, отъ Никольскихъ воротъ ко Фроловскимъ воротамъ, подлѣ церквей. А у Сендомирскаго воеводы, у Юрья Мнишка, и у дочери его панны Маринки, въ полку Литовскіе люди, и Поляки и Люторы, и иные многіе, тако жъ играли ѣдучи, били по накрамъ и по литаврамъ, и въ трубы, и въ свирѣли, и въ Венгерскіе дуды, и въ рожки, и въ иныя многія игры Литовскаго и Польскаго обычая играли» ⁽³⁾. На мосту у Спасскихъ воротъ—теперь не существующемъ—невѣстѣ громогласно отдали честь 50 барабанщиковъ и 50 трубачей, «которые — говоритъ очевидецъ Паерле—производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ» ⁽⁴⁾. И Марина, проѣхавъ

⁽³⁾ См. Сказаніе и повѣсть о Растригѣ Гришкѣ Отрѣпьевѣ, и о походе его, изд. Общ. Ист. и Древ. Рос. въ 1847 г. стр. 21.

⁽⁴⁾ См. Сказ. соврем. о Дмитріи Самоз. ч. II. стр. 47.

шпалерою турковъ, арабовъ и персовъ съ одной стороны и двухъ жолнерскихъ полковъ—съ другою, остановилась у крыльца Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, гдѣ принялъ ее изъ кареты самъ женихъ.

Тутъ же торжественно представленная царицѣ-инокинь Марѣ Ивановнѣ Нагой — которая, являсь по царскому приказу изъ Выксинской обители въ Москву, волею-неволею должна была разыгрывать роль дѣйствительной матери загадочнаго царя — Марина, за неокончаніемъ еще всѣхъ приготовленій къ свадьбѣ, оставалась въ Вознесенскомъ монастырѣ нѣсколько дней, и въ теченіи этихъ нѣсколькихъ дней, Вознесенская обитель вовсе не походила на жилище инокинь. Царь, ежедневно посѣщавшій тутъ свою невѣсту, приводилъ сюда съ собою музыкантовъ и скомороховъ, учреждалъ въ самыхъ кельяхъ названной матери игры и пляски «и самъ при оныхъ утѣшеніяхъ къ неудовольствію Россіи присутствовалъ» (5), между тѣмъ, какъ на монастырской кухнѣ готовились царскими поварами иноземцами вовсе не монастырскія снѣдки, потому что Марина не могла взять въ ротъ ни одного изъ русскихъ кушаньевъ, преимущественно изобиловавшихъ лукомъ и чеснокомъ. 6 мая, невѣста,

(5) См. Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ, соч. кн. Щербатова. Изд. 1793 г. стр. 61.

уже стоившая государству миллионныхъ издержекъ, получила послѣдній даръ жениха, шкатулку съ узорчѣями въ 50,000 р. 7 мая, вечеромъ, сѣла на великолѣпную колесницу и торжественно, при блескѣ факеловъ, пересѣхала изъ Вознесенскаго монастыря въ царскій дворецъ; а 8 мая — стала женою Разстриги и, слѣдовательно, московскою царицею.

Ихъ свадьба, отпразднованная — въ противность обрядамъ православной церкви — наканунѣ пятницы и Николина дня, совершалась слѣдующимъ образомъ. Воевода Сеидомирскій и княгиня Мстиславская ввели невѣсту первоначально въ столовую-избу, гдѣ надлежало произойти обрученіе. Марина явилась сюда въ аломъ бархатномъ сарафанѣ съ широкими рукавами, усыпанномъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ; на ногахъ ея были сафьянные сапожки съ высокими каблуками, на головѣ сіялъ драгоценный вѣнецъ. Въ такое же богатое русское платье одѣлся и женихъ. Протопопъ благовѣщенскаго собора, въ качествѣ царскаго духовника, читалъ молитвы, а кн. Дм. Ив. Шуйскій, двое Нагихъ и панъ Гарло, въ качествѣ царскихъ друзей, тутъ же рѣзали каравай, перепечки и сыры, и разносили присутствующимъ шпринки. Изъ столовой-избы всѣ перешли въ Грановитую Палату, гдѣ, ко всеобщему изумленію, увидѣли два престола — одинъ для жениха, другой для невѣсты — и услышали слова кн.

Вас. Ив. Шуйскаго, велегласно приглашавшаго Марину «вступить на свой цесарскій *маестатъ* и властвовать вмѣстѣ съ государемъ». ⁽⁶⁾ Исполнивъ первую половину этого приглашенія, Марина поцѣловала держимый передъ нею вѣнецъ Мономаховъ — и затѣмъ началось торжественное шествіе въ Успенскій соборъ. Впереди, церемоніально, выступали царскіе тѣлохранители, стрѣльцы, стольники, стряпчіе, знатные ляхи и свадебные чины; за ними, кропя святою водою путь, усталый камнями и бархатами, шелъ благовѣщенскій протопопъ, и несли въ фонаряхъ пудовыя вѣнчальныя свѣчи; далѣе слѣдовали въ должности рындъ кн. Трубецкой, два кн. Кольцовы-Масальскіе и кн. Мещерскій, все въ бѣломъ платьѣ на соболяхъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, вооруженные серебряными топорами. За ними кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій несъ мечъ, кн. Вас. Голицынъ — скипетръ, а бояринъ и любимецъ царя, Басмановъ — державу. Далѣе шелъ женихъ объ руку съ невѣстою, которую поддерживала кн. Мстиславская — и шествіе заключалось гурьбою бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. По прибытіи въ соборъ, брачущаяся чета вступила на *чертожное* мѣсто и заняла отдѣльные престолы; Разстрига—золотой, а Марина—серебра-

⁽⁶⁾ См. Исторія государства Россійскаго Карамзина, изд. V, ч. XI. стр. 158.

ний. Затѣмъ женихъ сказалъ рѣчь патріарху, сидѣвшему на третьемъ отдѣльномъ престолѣ, и патріархъ, громогласно отвѣтивъ царю новою рѣчью, — тутъ же возложилъ на невѣсту животворящій крестъ, бармы, діадиму и вѣнецъ Мономаховъ, для чего свахи Марины, Арина Нагая и панья Тарло, сняли съ нея головной дѣвичій уборъ. Послѣ этого лики возгласили многолѣтіе *благочестивой цесаревны Маріи*, и началась литургія, во время которой патріархъ украсилъ новую *цесареву* цѣпью Мономаховой, а потомъ помазалъ и причастилъ. По окончаніи литургіи, изъ собора выслали всѣхъ, кромѣ знатнѣйшихъ, и благовѣщенской протопопъ обвинчалъ Разстригу съ Мариною. Слѣдовательно, православное миропомазаніе и коронованіе католички Марины обошлось безъ особыхъ затрудненій, которыхъ, однако же, могъ ожидать, и дѣйствительно ожидалъ Разстрига, что видно изъ словъ его, сказанныхъ послѣ сватъбы секретарю Бучинскому: «а болши де есмя всего боялся, что цесарева моя Римскія вѣры и нешто митрополи и архіепискупы и епискупы упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтѣ не станутъ поминати, и какъ де есмя вышолъ вѣнчатися въ церковь и язъ де что хотѣлъ то дѣлалъ, все дѣлалось по моему хотѣнью и волѣ, и въ царьскихъ дверѣхъ миромъ помазывали и во многолѣтѣ

пѣли во всѣхъ церквахъ благовѣрную цесаревую, а сами де они то знаютъ, что пося мѣста опричь Римской вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесаря не бывало...» ⁽⁷⁾ Этого мало: Марина была коронована до совершенія брака, т. е. вѣнecъ Мономаховъ украсилъ, на этотъ разъ, головку польской панны, непринадлежавшей даже къ роду царскому... Но брачное торжество Разстриги, хотя и отправленное въ день не указанный церковью, сохранило всю обстановку древнихъ русскихъ обычаевъ. Такъ, на свадебной трапезѣ царской видимъ боярынъ, изъ которыхъ однѣ сидѣли *въ лавкѣ, въ большомъ столѣ*, другія *подъ свахами*, третьи — *въ скамьѣ*; видимъ также бояръ, разсаженныхъ по чинамъ: одни *подъ дружками*, другіе *подъ боярынями*; знаемъ, что *у воды и у мыльни* были бояринъ Аѳан. Нагой да окольничій Ив. Крюкъ-Колычевъ, а *въ мыльню ходили* бояре Петръ Крюкъ-Колычевъ, чашникъ Кп. Ив. Хворостининъ; знаемъ и то, что, въ должности *мовниковъ*, состояли, между прочими, и будущія историческія знаменитости, какъ напримѣръ, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій и кн. Дм. Тим. Трубецкой ⁽⁸⁾.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня въ кремлевскихъ и

⁽⁷⁾ Акты Археографической Экспедиціи, изд. 1836 г. т. II. № 48.

⁽⁸⁾ См. «Свадьба Ростригина» въ Древней Россійской Виллюоніѣ, Новикова, изд. II. т. XIII, стр. 116 — 122.